

ПРИЗЫВ АПОКАЛИПСИСА: СОЗЕРЦАТЬ И ПОКЛОНЯТЬСЯ

Я не перестаю восхищаться книгой Откровения на протяжении всей своей научной карьеры. Когда меня спрашивают: «Почему?», я отвечаю, что видения святого Иоанна «приоткрывают завесу» над тайнами, превышающими человеческое разумение. Некоторые полагают, будто бы последняя книга Библии недоступна для понимания. Однако если подойти к ее прочтению непредвзято, поражаешься тому, насколько пророк был захвачен всем виденным и слышанным. Читая богодухновенные описания его видений, мы погружаемся в удивительный мир, сохраняя при этом трезвость, заповеданную Господом. Святой Иоанн зовет нас за собой, и его призыв, повторенный в книге Откровения 26 раз¹, звучит как приказ: *Idou! (Вот! Смотри!)*.

На каждом шагу мы «спотыкаемся» об этот призыв святого Иоанна посмотреть туда или сюда. Иногда «смотри!» говорит нам ангел. И наконец, Сам Господь Иисус Христос обращается к нам с этим же призывом (16:15; 22:7; 22:12). Таким образом, эта книга не для богослова, размышляющего «в кресле», и не для простого любителя поэзии, хотя, безусловно, она полна поразительных образов и затрагивает богословские вопросы. Скорее, она призывает нас проникнуть в ее содержание и стать участниками ее событий. Эта книга для тех, кто имеет очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, «что Дух говорит церквам».

Прямо у нас на глазах св. Иоанн разыгрывает величайший спектакль, не стремясь при этом привлечь внимание зрителя, подобно тому, как это делают шоумены. Сам Господь Своей десницей снимает покрывало с его очей, чтобы он мог ясно созерцать тайны будущего. Он не ставит перед собой задачу создать поражающую воображение картину, не старается использовать человеческие ухищрения, как делают это некоторые в наше время, для достижения политических целей. Он просто открывает перед нами свои видения, одновременно увлекающие и волнующие.

Было бы ошибочно истолковывать божественное откровение с помощью замысловатых расшифровок, как это мы видим, например, в трудах американского проповедника

¹ Откр. 1:7; 1:18, 2:10, 2:22, 3:8, 3:9 (дважды); 4:1, 4:2, 5:5, 6:2, 6:5, 6:8, 7:9, 9:12, 11:14, 12:3; 14:1; 14:14; 16:15; 19:11, 21:3; 21:5; 22:7; 22:1.

Хола Линдсэя², или некоторых политических деятелей, отождествляющих своих соперников с персонажами Апокалипсиса. Один из них говорил «Давайте вспомним, что дьявол послал двух зверей из преисподней – одного, имеющего рану на голове, и другого, антихриста, который ставит печати на руках у людей»³.

Друзья мои, вы можете радоваться тому, что подобного рода сомнительные толкования не так часто встречаются в России, как это происходит в Америке, где многие христиане полностью доверяют словам так называемых «библейских экспертов». В Америке многочисленные консервативные протестанты, которых можно похвалить за их нравственную верность христианским традициям, к сожалению, принимают ложные учения, такие как хилиазм или учение о восхищении верующих на небо. Подобные картины рисуют перед нами телеевангелисты, но они далеко отстоят от того, что говорит нам св. Иоанн. Он раскрывает перед нами «откровение Иисуса Христа», не добавляя от себя чего-либо, кроме того, что передано Богом. Как православные христиане мы призваны с благоговением и трезвением «созерцать» то, что есть на самом деле, не попадаясь в ловушку «сенсационализма».

Видения св. Иоанна на самом деле представляют собою некое действие со многими яркими деталями, которые, однако, не следует истолковывать, пользуясь дешевыми и мелочными средствами. Картина, которую он рисует перед нами, гораздо масштабнее, сложнее и выше человеческого воображения: она обращена как ко всему человечеству, так и к каждому человеку в отдельности.

В настоящем докладе мы рассмотрим три примера, в которых употребляется слово «Вот! Смотри!», начиная с середины книги Откровения. Почему с середины, а не с начала? Потому что св. Иоанн построил свои видения по принципу «матрешки», так что в середине книги находится смысловой центр, ядро всего произведения⁴. В главе 12 святой Иоанн приглашает нас: «Смотри!».

² **Хол Линдсэй** – (р. 1929) – известный в Америке евангелист и писатель, телепроповедник. Учит, что Христос придет на землю и устроит «земной рай». Христианский сионист и диспенсационалист (**Диспенсационализм** ([англ.](#) *dispensation* — *распределение, период*) — совокупность теологических представлений в [христианстве](#), рассматривающих исторический процесс как последовательное распределение божественного Откровения по периодам, каждому из которых соответствует особый тип договорных отношений человечества с Богом).

³ Выступление Г.Зюганова на стадионе в Москве в июне 1996 г.

⁴ При таком видении структуры Апокалипсиса мы можем выделить введение и эпилог (А и А', 1. 1 – 8 и 22. 10 – 21), раздел обетований, которому соответствует их исполнение (В и В', 1. 9 – 3. 22 и 19. 11 – 22. 9), протяженный раздел, центральным образом которого является запечатанная книга и который включает

I Се – драма!

В этом явлении св. Иоанн созерцает предметы, как бы глядя с земли на небо. И там, на небесах, перед ним разворачивается следующая картина:

«И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве, и кричала от болей и мук рождения. И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим» (Откр. 12:1-3).

Перед пророком словно приоткрывается завеса небес, обнажая драму космического масштаба, проецируя происходящее на нашу землю. То действие, которое предшествует основным событиям книги Откровения, имеет свои глубины и высоты, свои «пики напряженности», «моменты ожидания» и «моменты исполнения».

Повествование святого Иоанна можно разделить на три части. В первой (ст.1-6) мы видим на небе два знамения: жену и дракона. Дракон увлек за собой с неба третью часть звезд и пытался преградить путь жене, чтобы пожрать ее будущего младенца. Младенец есть сын, которому «надлежит пасти все народы ». Он был восхищен к божественному престолу, пока жена спасалась в пустыне. Таким образом, в первом действии разворачивается конфликт между женой и врагом.

Затем св. Иоанн переходит к другому действию, к сцене войны на небесах (стг. 7-12). Здесь архангел Михаил со своим войском воюет против дракона и его клеветников, которые побеждаются и изгоняются на землю. Наконец мы слышим, что дракон есть «древний змий», или сатана, «обольщающий всю вселенную». После его свержения раздается громкий голос с небес, в подтверждение совершившегося:

«Ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его, потому что низвержен клеветник братьев наших, клеветавший на них пред Богом нашим день

в себя семь печатей, семь труб и семь чаш (С и С', 4. 1 – 9. 21 и 15. 5 – 19. 10), и, наконец, центральное ядро, центральным образом которого является «книжка» (D, 10. 1 – 15. 4). Эта схема (с некоторыми незначительными отличиями) была впервые предложена в 1968 году Элизабет Шюслер-Фьоренцой и изложена на с. 159-180 в ее книге *The Book of Revelation: Justice and Judgement* (Minneapolis: Fortress Press, 1985). Она принята автором этих строк в книге *Ladies and Cities: Transformation and Apocalyptic Identity in Joseph and Aseneth, 4 Ezra, the Apocalypse and the Shepherd of Hermas* (Sheffield Academic Press/Continuum, 1995). Внимание к центральному элементу структуры как к носителю «тайны» фрагмента или целого произведения созвучно подходу, предлагаемому о. Джоном Бреком, который приводит краткие примеры хиазма в Откровении Иоанна в книге *The Shape of Biblical Language: Chiasmus in the Scriptures and Beyond* (Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1994; русск. пер.: *Хиазм в Священном Писании. Общедоступный Православный Университет, основанный протоиреем Александром Менем, 2006*). Р. 232-235. Вышло второе издание этого важного труда о. Дж. Брека.

и ночь. Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего, и не возлюбили души своей даже до смерти. Итак веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море! потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени»

(Откр. 12;10-12).

Заметим, что это пояснение дает нам более глубокое проникновение в суть битвы. Архангел Михаил и его дружина воевали против дракона, но побежден он был «кровию Агнца» и «свидетельством мучеников». Именно Агнец является здесь победителем, именно Его кровью повержен сатана. Но что же означает низвержение сатаны для тех, кто находится на земле? Страдание – ибо дракон сошел на землю в великой ярости.

Все это становится поучительным для нас, если мы читаем текст внимательно и тонко. Обвинитель людей перед Богом, тот, кто хотел пожрать младенца и причинить боль жене, оказался врагом Бога. С одной стороны, он повержен, поскольку решающая битва уже состоялась в смерти Иисуса Христа и уже наступила власть Божественного Мессии (12;10), Льва от Иуды, а также и Агнца. Не станет более Бог выслушивать обвинений клеветника, не будет более враг иметь доступ к престолу Всевышнего. Тем не менее, именно эта победа означает то, что у сатаны развязаны руки в отношении нашего земного мира – и он, обреченный на вечное осуждение, будет воевать с каждым, кто связан с женой. Страдание – вот результат низложения сатаны, хотя оно же есть средство победы над ним. «Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего». Здесь нет строгой логики, ибо мы видим видения и слышим предсказания. Странно, но в некотором смысле враг побеждается страданием, и в то же время победа над сатаной на небесах означает страдание Божиих людей на земле здесь и сейчас.

И, наконец, в третьем действии (стт. 13-17), св. Иоанн снова возвращается к конфликту между драконом и женой. Потеряв возможность поглотить младенца, Того, Кто один обладает подлинной властью, дракон начинает преследовать жену. Но ей в помощь были даны с небес «крылья орла». Наконец-то мы можем хотя бы отчасти приблизиться к пониманию загадочной идентичности этой царицы в изгнании. В книге Исход Моисей повествует о том, как Господь вывел Свой народ из Египта «как бы [неся его] на орлиных крыльях»⁵, чтобы сделать из него народ священный и царственный. В другом мес-

⁵ 19:4: «вы видели, что Я сделал Египтянам, и как Я носил вас [как бы] на орлиных крыльях, и принес вас к Себе».

те⁶, в книге Второзакония, Моисей в своей великой песни говорит о том, как Господь нашел народ Свой в пустыне, вынес его на орлиных крыльях и ввел в землю обетованную. В видении Иоанна жена спасается на орлиных крыльях, и укрывается также в пустыне, в месте, приготовленном для нее. Таким образом, мрачная пустыня Божиим Промыслом становится местом, уготованным для спасения. Вспомним народ израильский в период его странствования по пустыне до того, как он вступил в землю обетованную. Итак, царица представляет собой образ Израиля, который, в свою очередь, ассоциируется с Мессией. Мессия становится родоначальником «сохраняющих заповеди Божии и имеющих свидетельство Иисуса Христа» (Откр. 12:17). Вспомним также, что жена имела на главе венец из 12 звезд. Похоже, что этот образ, указывающий на число колен израильских и ближайших учеников Христа – апостолов, есть указание на весь народ Божий: как на верных того народа, из которого произошел Мессия, так и на новое сообщество верных, против которого воюет враг. Таким образом, жена есть образ всех верующих, она смиренна, поскольку нуждается в защите, но вместе с тем и величественна по своему рождению и царственна.

Два места Ее обитания – небеса и пустыня – характеризуют образ ее бытия: она рождена для вечной небесной славы, но вынуждена временно пребывать в бедности. Остановимся подробнее на месте ее пребывания – пустыне – и особенно на времени ее пребывания там. По свидетельству книги Откровения, этот период составляет «время, времена и полвремени», т.е. 3 ½ (12:14). В Северной Америке много было написано по поводу значения этого числа для временного отрезка «скорби» и «восхищения на небо» верующих. Попробуем соотнести этот срок с другими указаниями книги Откровения. Три с половиной года – это то же самое, что 42 месяца или 1260 дней: время, когда святой город будет попираем язычниками (11:2), время проповеди двух свидетелей, облаченных во вретисце (11:3), время, когда зверю будет дано захватить власть (13:5), а жена будет скрываться в пустыне (12:14). Это время боли и страданий, пророчеств и гонений. Опустошение, унижение и притеснение будут использованы Господом для Своего прославления – они суть проявление Его заботы о Своих людях, они есть время приготовления.

⁶ Втор. 32:11: «как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их и носит их на перьях своих».

Таким образом, вся увиденная нами картина представляет собой историю Божьего народа, изображение врага рода человеческого и описание божественной защиты. Те, кто связан с Владычицей (и с Мессией), должны ожидать некоторое время, находясь в уничиженном состоянии (как бы в пустыне), приготовленном для них Богом. Однако в самый разгар страданий и противостояния раздастся громкий голос, указывающий на победу (12:10-12) – свидетельство, связывающее страдание Иисуса с Его триумфом. Мы следуем по стопам Того, Кто поправил «смертию смерть». И хотя в результате войны, развязанной драконом, по-прежнему продолжаются страдания, Бог остается Хозяином положения. В конечном счете, вся власть принадлежит Ему. Божий народ испытывает страдания, но одновременно он слышит небесный голос, извещающий о грядущей победе. Сами страдания реальны, значительны, но, в то же время, срок их ограничен. Этот период унижения и изгнания длится 3 ½ года, а не 7 лет (число полноты и совершенства). Можно было бы сказать, что время пребывания в пустыне есть лишь половина истории, и она будет использована Богом для Его целей.

Итак, в книге Откровения небесная царица представляет собой Церковь или Божий народ, который будет преображен, но который еще не достиг своей цели. Подобно тому, как свиток, съеденный святым Иоанном, имел горько-сладкий вкус, жизнь Церкви будет полна как радости, так и горя. Бог принимает на Себя страдания жены, призывая к стойкости и содействуя (подавая крылья орла), превращая время изгнания во время созревания. Может показаться, что страдания окажутся чрезмерными для Церкви. Но не стоит забывать, что одновременно они являются подлинным «свидетельством», истинным участием в «мученичестве/свидетельстве Иисуса». И вот здесь перед нами вырисовывается та перспектива, которую св. Иоанн представляет нам, если мы внимаем призыву «Се, драма!» Он показывает, что страдание есть лишь часть чего-то более важного, чем мы способны себе представить. В этом есть твердое и несомненное утешение, даже если мы не отказываемся от реалистичного взгляда на вещи с присущей им темной стороной. Одно из искушений, которому поддаются христиане в Америке, состоит в том, чтобы принять победу, дарованную Христом, минуя эту темную сторону. И пусть подвиг исповедников и мучеников России всегда служат напоминанием ее чадам об этой взаимосвязи между радостью и трезвением. Перед нами раскрывается великая драма неба и пустыни, которая должна наполнить наши сердца и наше воображение таким образом, что-

бы мы всегда ассоциировали себя с гонимой царицей, с теми, кто страдает, и с крестом. Те, против кого развязал войну дракон, это те, кто находятся в общении с Агнцем, к которому мы теперь обращаемся.

И Се, Агнец!

Эти слова слышит св. Иоанн, когда он, ошеломленный увиденным, созерцает небесное таинство. Во второй рассматриваемой нами сцене (Откр. 4-5) святой Иоанн приглашается заглянуть в открытую дверь, приглашается «взойти сюда», в пространство, где находится небесный Престол. Все действие сконцентрировано вокруг Сидящего на Престоле, который окружают 24 старца (возможно, изображая собой земных пророков и апостолов). Само поклонение возглавляется теми ангельскими живыми существами, которых видел пророк Исаия⁷. Они не прекращают свои молитвы, тем самым подавая знак для поклонения и старцам. В этом действии ощущается состояние вечности, непрекращающейся радости и благодарности Творцу за Его великие благодеяния. Эти существа олицетворяют собой все мироздание, на их ликах запечатлелись различные измерения сотворенного Богом видимого мира.

Церкви Божии представлены старцами и горящими перед Престолом Божиим семью светильниками. Благодаря святому Иоанну, мы созерцаем, как бы глядя сквозь окно в небесах, чистую, прозрачную реальность, которую мы едва ли способны вместить. Что мы можем знать об этом непрерывном видении Бога? Святой Иоанн также чувствует свою отделенность от Него. Взирая на Сидящего на престоле, он убеждается в наличии некой проблемы:

И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями. И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее? И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею, раскрыть сию книгу, и посмотреть в нее. И я много плакал о том, что никого не нашлось достойного раскрыть и читать сию книгу, и даже посмотреть в нее.(5:1-4)

Перед его взором раскрывается все мироздание, предстоящее перед Богом. Он видит книгу, объясняющую смысл всех вещей, которую никто не может раскрыть. Нет никого

⁷ Хотя четыре животных ведут себя подобно серафимам в великом видении Исаии (Ис 6), воспевая песнь «Свят, свят, свят», они обладают чертами, встречающимися в видении пророка Иезекииля (1. 5 – 11), к которому их описание оказывается более близким и которое обычно понимается как видение херувимов.

во Вселенной, кто мог бы снять печати с этой книги и понять смысл странных событий, происходящих в нашем мире.

Святой Иоанн не может удержаться от плача, и его плач может показаться странным на фоне общего ликования и радости. Что же происходит дальше? Он отодвинут в сторону, чтобы не мешать литургии? Или он отсылается к небесным мытарствам, чтобы пройдя сквозь них, достичь блаженства⁸? Нет, напротив, его смущение воспринимается всерьез теми, кто участвовал в поклонении, и он включается ими в богослужение. Один из старцев, близкий к Богу, отвечает на его недоумение. Это не значит, что чувство смущения святого Иоанна исчезает, скорее, старец помогает найти решение:

И один из старцев сказал мне: не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее. И я взглянул, и вот, посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял Агнец как бы закланный (Откр. 5:5-6)

Слова старца не есть ответ на рыдающую и неизреченную молитву святого Иоанна, не призывается он и к тому, чтобы усилить ее. Скорее, ответ приходит в самой Личности Иисуса. Пророк *созерцает* и видит, что Лев есть одновременно и Агнец Божий, который умер, но стоит.

Святой Иоанн, находясь в Божием присутствии, получает дар слез. В этом видении нам открывается то, как такие молитвы превращаются в фимиам и возносятся перед Богом. Читая далее, мы видим, как 24 старца и, возможно, 4 серафима, держат перед Престолом Божиим золотые чаши, полные фимиама, который изображает наши молитвы. Старцы молятся, вознося наши молитвы, и воспевают:

Достоин Ты взять книгу и снять с нее печати, ибо Ты был заклан, и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени, и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле (Откр. 5:9-10).

⁸ Споры относительно мытарств продолжаются в православном сообществе. Это учение, как представляется, должно быть отнесено к разряду теологуменов. Благочестие тех, кто подобно о. Серафиму (Роузу), высоко ценит эту образность, бесспорно; однако значительна и критика, высказанная в адрес этого богословия о. Азкулом и архиепископом Лазарем Пухалом. Полезно помнить, что образ воздушных мытарств сам по себе есть относительно позднее явление в православном благочестии, впервые эксплицитно засвидетельствованный в X веке в повествовании о преп. Василии Новом, св. Феодоре и миряanine Григории. Некоторые элементы богословия мытарств (очищение, аскеза, восхождение и духовное совершенствование) являются более ранними, но ближайшие аналоги видения во всей его полноте наличествуют в гностических, а не христианских писаниях. Образность может быть полезна для некоторых, пока она не становится эзотерической западней, удаляющей верующего от трезвения. Автор этих строк, однако, не уверен, что видения мытарств добавляет что-либо существенное к классическому православному учению об аскезе, соработничестве со св. Духом и призвании к обожению.

И теперь уже не только св. Иоанн молится, но вся земля слилась в едином молении вместе с небесным хором.

Это видение призывает нас к трезвенной радости. Когда-нибудь и наши молитвы станут подлинными, по-настоящему слезными, горячими, усиленными, производящими боль. В самом деле, ведь и Агнец, Господь наш Иисус Христос молился, проливая слезы, и притом кровавые⁹. В этом месте есть еще одна интересная деталь. Тот, Кто открывает книгу, находится в двух местах: «посреди престола», разделяя силу и славу Отца, и «посреди старцев» - наших представителей¹⁰, принадлежащих к человеческому роду. Он с радостью разделяет с нами нашу долю, принимает на себя наше существо с тем, чтобы исцелить нас (по словам свт. Григория Богослова: «Что не воспринято, то не уврачевано»). После слов старца: «Вот, лев от колена Иудина», - мы поворачиваемся и видим вместе со святым Иоанном «исполнение» печали, Льва-Агнца, который знает, что значит страдание; знает, что значит жить в этом сложном мире, по-прежнему находящемся в процессе своего становления. Поэтому слезы Иоанна, так же, как и наши, влились в общую чашу молитв, возносимых перед Агнцем, Который есть нареченный Царь всего создания и Которому подобает воспевать новую песнь: «Он победил. Он достоин». И благодаря этому мы присоединились к царству, к святому священству, и наши молитвы вошли в единую гармоничную космическую песнь (Откр. 5:10).

Это видение открывает перед нами две удивительные истины: во-первых, Господь позволяет небесному богослужению «прерываться» из-за человеческих трудностей, а во-вторых, наши слезы могут претвориться в новую песнь. Тот, Кто одержал победу и исцелил нас, есть Лев-Агнец. Он победил так, как мы не могли ожидать. Он управляет нами со Своего Престола и приглашает нас к участию в богослужении, которое способно оживить наши иссохшие и жаждущие сердца. Созерцание драмы в пустыне представляет нам новую перспективу, а видение небесного богослужения, в центре которого находится Лев-Агнец, дает нам новую песнь. Святой Иоанн восклицает: «Вот драма!». Старец вторит ему: «Вот Агнец, достойный поклонения!».

⁹ Ранние рукописи не содержат этой детали из Лк. 22:44, тем не менее она имеет авторитетное место в Предании и упоминается в трудах Иринея, Ипполита, Оригена, Дидима слепца и др.

¹⁰ Эта двойная позиция Агнца неочевидна в ряде переводов, которые переводят греческое *en meso* в 5. 6. как «между» престолом и четырьмя животными. Однако более вероятным является, что предлог призван выразить идею о нахождении Агнца «посреди престола», так же, как и «посреди серафимов» и «посреди старцев», поскольку Его статус возведенного на престол вновь появляется в 7. 17 (*meson tou thronou*).

Далее мы переходим к рассмотрению великого финала последних глав книги Откровения (21-22), где восклицание «Вот!» исходит уже не от св. Иоанна и не от небесного существа, а от Самого Вседержителя: «Се, скиния Бога с человеками! Се, творю все новое! Се, гряду! Се, гряду скоро!» (Откр. 21:3; 21:5; 21:7; 22:12). Господь приглашает нас к третьему явлению.

III Се Слава!

Космическая драма гл. 12 показала, что наши страдания не напрасны. Видение Льва-Агнца удостоверило нас, что для Бога страдания крайне важны, и Он берет их на Себя. В последних же главах мы удостоверяемся в том, что страдания преобразуются в новое творение.

И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. ² И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. ³ И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. ⁴ И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, и вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. ⁵ И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны. (Откр. 21:1-5).

Некоторые с тревогой замечают, что когда христиане обращают слишком много внимания на блаженство праведных, это оказывается подобным тому, как если бы мы перешли сразу к развязке романа, не узнав о всех перипетиях его героев. Однако последние главы книги Откровения не являются ни «триумфалистскими», ни просто печальными. Скорее, в них сконцентрировались все надежды и страхи человечества. На протяжении всей книги Иоанн был нашим мистагогом, нашим путеводителем по способным ввести в заблуждение тайнам, касающимся всего космоса. Теперь же завеса приподнимается, и мы можем бросить быстрый взгляд на нечто совершенно новое (21:5) – единение новой земли (чего мы могли бы ожидать) и нового неба (о котором невозможно было и помыслить).

Новшество заключается, с отрицательной стороны, в отсутствии «моря», а с положительной, – в видении «нового Иерусалима, сходящего от Бога с неба... как невеста». Образ моря встречался нам уже дважды: как стеклянное море в небесном тронном зале

(4:6)¹¹ и как место, где расположился противник Бога и откуда появляется его земной представитель, чтобы соблазнить и уничтожить человечество (12. 18 – 13. 1). Таким образом, «море» сочетает в себе две противоположности: необходимость очищения в присутствии Бога и наличие хаотических, враждебных миру сил. В новом творении Бога больше не будет необходимости в очищении, а анархия будет уврачевана. Кроме того, там будет новое сообщество людей, приготовленных для Самого Бога Им Самим. Та слава, которую Церковь приписывает Матери Божией, «славнейшей без сравнения Серафим», распространится на всю Церковь. Образ города, который спускается с небес, есть одновременно и образ невесты. Слава этого города будет нескончаемой, ибо это будет «скиния Бога с человеками» (21:3). Элементом этой «новизны» является новое отношение интимности между Богом и «народами» (*laoi*, множественное число в лучших рукописях), которые собраны для того, чтобы составить это новое жилище для Альфы и Омеги («Первого и Последнего»). Новой является абсолютная победа над болезнями и смертью (21:4), что выходит за рамки отмены эдемского проклятия (22:3). Это проклятие прародителей было отвергнуто женами в Пасхальную ночь, но окончательно будет уничтожено в конце времен.

Большое значение здесь имеет взаимосвязь общинного и личного. Это является особенно важным для нас в эпоху, которая отрицает ценность коммунитаризма и высоко ставит индивидуализм, как будто они представляют собой единственную альтернативу. Как говорит К.С. Льюис, «в христианстве снимается противоречие между индивидуализмом и коллективизмом. Именно в этом состоит сводящая с ума двойственность, с точки зрения внешних, нашей веры»¹². Точно так же Апокалипсис рисует перед нами картину новосозданного человеческого сообщества, подчеркивая единение Божьего народа, и, в то же время, взывая к каждому из нас: «Жажущему дам даром от источника воды живой... Побеждающий наследует все» (21:6-7). Мы слышим обетование: «И буду ему Богом, и он будет Мне сыном», слова, не исключющие распространение этого обетования на женщин, т.к. Бог будет пребывать с «человеками» (*anthropoi*, 21:3)¹³. Может быть, для

¹¹ Небесное стеклянное море представляется первообразом медного моря или купальни для очищения в Иерусалимском храме.

¹² Lewis C. S. *The Weight of Glory*. New York: Harper Collins, 2001. P. 172.

¹³ Сказать, что каждый из нас есть «сын» - значит признать, что все мы являемся малыми Христами, являющимися причастниками помазания Мессии – Того, Кто одновременно является нашим представителем и единокровным Сыном Божиим (см. Ин. 1:14; Гал. 4:4; Евр. 1:2; Рим. 8:22).

женщин покажется натянутым употребление подобных образов¹⁴, но и мужчинам приходится ассоциировать себя с женскими образами, например, с образом Невесты Агнца. Невеста приходит приготовленной для мужа; мать после изгнания возвращается с детьми на родную землю.

В 21 главе дважды изображается город, сходящий с небес¹⁵: первый раз в Откр. 21:2, а затем опять в стихе 10 и далее, где подробно описывается Новый Иерусалим, его приемственная связь с Израилем (21:12) и апостолами (21:14) и покровительство над ним небесных существ (21:12). Размеры его представляют идеальный куб (21:16-17). Появление города-невесты-митрополии служит ответом на вопрос о таинственном бегстве жены в пустыню в 12-й главе. Жена, имевшая венец из двенадцати звезд, окруженная славой солнца и луны, кричала от болей и мук рождения (12:1)¹⁶. Но теперь она появляется в образе града, уже преображенной, беспечальной, с короной из зубчатых стен, не нуждающейся в свете луны или солнца, поскольку она окружена славой Бога и Агнца.

Перед нами обновленный сад, полное гармонии жилище для нового творения. Перед нами огромный город, в который войдут лучшие «плоды» человечества (21:24-26). Перед нами и Невеста Агнца, разделяющая с Ним божественную славу, поскольку она страдала и победила (12:11). Перед нами исполнение всех обетований Божиих, обетований, которые включают не только *возвращение* к прежнему блаженству, но и творческое *претворение* Богом всего создания, в котором мы вместе участвуем. 21-я глава предлагает нам не просто небесное вознаграждение, тот самый «опиум для народа», которым пугал Маркс, но говорит о пребывании Самого Бога с обновленным человечеством (21:8, 27) и о нашем новом состоянии. Преображение нас самих и всего мира, к которому мы стремимся, уже началось, и, конечно, завершится благодаря удивительной победе Льва

¹⁴ См., например, страстные протесты Тины Пиппин в книге Pippin T. *Death and Desire: The Rhetoric of Gender in the Apocalypse of John*. Louisville: Westminster John Knox, 1992.

¹⁵ Старые комментаторы считали это следствием порчи в рукописной традиции: конечно же, более верным является рассматривать дублет как подчеркивающий значимость финальной сцены.

¹⁶ Я интерпретировала Жену как образ Церкви, в согласии с большинством древних толкователей. Некоторые указывали, что она не может представлять Богородицу, которая не рожала в муках (напр., арх. Аверкий (Таушев). Апокалипсис в учении древнего христианства). Однако это абсолютное отвержение (в комментарии, который в других отношениях является блестящим) основано, как представляется, на слишком буквалистском прочтении метафоры родов, поскольку наша Владычица испытывала духовные муки, в соответствии с тем, что предсказывал ей старец Симеон: «тебе самой оружие пройдет душу» (Лк 2. 35). Дева Мария представляет Церковь Христову как в скорби, так и в радости и дает нам образец как духовных мук (очевидный в ее предстоянии кресту), так и победы (в ее Успении). Царица Откр 12 действительно есть Церковь, однако Богородица являет нам, каков замысел о Церкви, и указывает нам ее путь.

(11:15). Благодаря Его преобразившему мир царству уязвимости (5:5-6; 12:11; 19:13) откроются потоки воды жизни (22:1), исцелятся все народы (22:2) и напитается всякий жаждущий (21:6). Именно по Его воле ворота города никогда не будут закрываться, богатые представители народов будут допущены в город, наступит царство света, без всякой примеси тьмы. И именно в Его космическую драму и в это новое творение призывает нас войти Вседержитель (22:1).

Вот, Он будет жить с нами, ибо Сын принял на Себя нашу человеческую природу! Вот, Он будет творить все новое, преображая наше временное пристанище в вечный храм Своей славы (2 Кор. 5:1). Вот, Он грядет скоро – и это пришествие (*parousia*) предвосхищается нами в нашем богослужебном собрании (*Synaxis*) и в Евхаристии, когда наш дух соединяется с Духом Божиим. В нас вызывает изумление то, как в этом последнем видении мирские вещи сочетаются с вещами таинственными. Однако мы прообразуем это здесь и сейчас в общем богослужении. Ныне мы подходим к Чаше и слышим наши имена, когда вкушаем Жизнь под видом хлеба и вина; ныне мы смотрим на лица наших братьев и сестер и замечаем в них лик нашего Иисуса. Но там мы узрим все это непосредственно, глядя на Его славу преображенными глазами, которые смогут вынести это видение. Тогда будут купаться в славе не только Евхаристия, проповедуемое Слово и собрание поклоняющихся. Тогда весь преображенный космос проникнется сиянием Того, Кто созидает и воссоздает. Там уже будет не просто новая перспектива и новая песнь, но новый мир!

Эдит М. Хамфри

Профессор Нового Завета

Питтсбургская Богословская Семинария, США